

Рис. 198 — не конец XIX в., а 1906—1907 гг. На стр. 64 автор пишет, что этот и предыдущий памятники сделаны мастером, который умер в 1880 г. (!?).

Рис. 202 — не XII—XIII вв., а около XIV—XV в. (по почерку).

Рис. 205 — не 1483 г. (ср. стр. 69), а 1404—1405 гг. (в книге напечатано негативное изображение этого камня).

Отметим также, что в списке литературы, использованной автором, неверно указаны годы издания работ И. Г. Гербера, Б. А. Дорна и Н. В. Ханькова.

Л. И. Лавров

М. Я. Жорницкая. *Народные танцы Якутии*. М., 1966, 168 стр.

Эта, казалось бы сугубо искусствоведческая, работа является первым опытом историко-этнографического изучения традиционного танцевального искусства народов Якутии. В своем исследовании М. Я. Жорницкая на основании собранных ею в 1948—1965 гг. полевых материалов не только описала танцы, выяснила их художественные особенности, но и обобщила имеющиеся в этнографической литературе материалы по данному вопросу. Она сопоставила и сравнила, «насколько позволила специфика хореографического искусства», танцы якутов, эвенов, эвенков, юкагиров и чукчей. При этом она исходила из того, что «устойчивость танцевальных традиций, прямая передача их от поколения к поколению делают народное хореографическое искусство, как и фольклор, своеобразным историческим источником» (стр. 12).

Исследование М. Я. Жорницкой состоит из введения, четырех глав, заключения и приложения.

Во введении автор дает историографический очерк данной проблемы, научную оценку имеющихся материалов. Она рассказывает о так называемом описательном способе фиксации танца, который применяла в своей полевой практике. Сущность его заключается в выделении мелодического рисунка и раскладке движений (па) на такты со словесным описанием элементов движений. Весьма ценными представляются графические схемы пространственной композиции танца, выработанные автором для большей наглядности записи.

Первые три главы посвящены исследованию танца якутов; эвенов и эвенков; чукчей и юкагиров. В связи с тем, что автор рассматривает танцевальное наследие народов Якутии в историко-этнографическом аспекте, в начале каждой главы дается краткая характеристика культуры и быта этих народов.

В главе о танцах якутов М. Я. Жорницкая рассматривает народный якутский танец «осуохай» — хоровод, сопровождающийся песней-импровизацией. Путем сравнительного анализа более 300 исполнений осуохая, она выделила пять вариантов этого танца, отличающихся по типу основного движения. Наиболее распространенный вариант осуохая назван ею якутским, остальные — олекминским, амгинским, усть-алданским и вилюйским. М. Я. Жорницкая выявила также ареалы бытования этих вариантов.

Заслуживает внимание попытка автора проследить эволюцию якутского хоровода за последние два столетия. Обобщение имеющихся в этнографической литературе сведений об осуохае и проверки их во время полевой работы позволили М. Я. Жорницкой дать характеристику его старинного варианта. По ее мнению, осуохай исполнялся в XVII—XVIII вв. медленнее и во многом был связан с якутскими религиозными обрядами, в первую очередь с обрядом благодарения духов-покровителей. Впоследствии, в процессе расселения якутов и обособления отдельных групп сложились упомянутые выше локальные варианты осуохая.

Помимо осуохая М. Я. Жорницкая рассматривает в этой главе некоторые обрядовые танцы якутов. К их числу она относит хороводный танец «сэльбиреске», танцы стерха, журавля, орла, шаманские танцы, обрядовую церемонию, совершаемую при освящении кумыса, и танцевальные элементы в якутских охотничьих обрядах.

Отметим, что М. Я. Жорницкая первая вводит в научный оборот описание якутских обрядовых танцев. При этом следует признать, что некоторые ее выводы дискуссионны. Например, непонятно, почему танец «сэльбиреске» она считает обрядовым. То, что запеваля стоял в центре круга танцующих и держал в руках волосную веревку, не является еще доказательством религиозности этого танца.

Далее, М. Я. Жорницкая высказывает предположение, что якутские подражательные танцы — танцы стерха, журавля и орла — были частью тотемических обрядов. К сожалению, этот вывод не вполне обоснован. М. Я. Жорницкая пишет, что «наиболее распространенным тотемом у некоторых якутских родов был белый журавль (кыталык)» (стр. 54). К числу этих родов она относит «нюрбинцев» (стр. 52). Но у якутов нет рода «нюрбинцев». Нюрбинцами называют жителей Нюрбинского (ныне

Ленинского) района Якутской АССР, подразделявшихся в прошлом на роды бордонцев, кангаласцев и т. д.

В имеющейся этнографической литературе нет сообщений о том, что белый журавль был тотемом какого-нибудь якутского рода. Наиболее распространенными среди якутов тотемами были орел, лебедь и ворон.

Казалось бы, тотемические танцы, связанные с поклонением основным тотемам, должны были сохраниться лучше, чем танцы, посвященные забытым (белый журавль), или малораспространенным (журавль) тотемам. Судя по данным М. Я. Жорницкой, получилось наоборот — о бытовании в прошлом танца орла имеется лишь одно сообщение, а танец белого журавля известен жителям различных районов Якутии. Последнее, на наш взгляд, объясняется следующим образом. По материалам В. М. Ионовой, якуты верили, что птица белый журавль — посланец добрых божеств — покровителей «айыы», или, точнее, земное воплощение божеств-покровителей.

В связи с этим можно предположить, что танец стерха не являлся частью тотемических обрядов, а был связан в прошлом с почитанием божеств «айыы». Тогда становится понятным, почему танец белого журавля был известен всем якутам. Ведь божества «айыы» считались покровителями всех, или почти всех родов предков якутов.

Весьма ценны, на наш взгляд, материалы М. Я. Жорницкой о шаманских танцах. Они убедительно показывают, что камлание шамана не было только иступленной пляской. В танце шаман весьма искусно имитировал полет и приземление птиц, повадки животных и т. п., т. е. в камлании были танцевальные подражательные элементы, способствовавшие усилению воздействия шамана на присутствующих (стр. 56—57).

В сущности камлание шамана — сложный обряд, исполнявшийся по определенным, хотя и не писаным, канонам. Немалую роль в нем играли театральные, если так можно выразиться, элементы — различные устрашающие заклинания, танцы, пантомимы, музыкальное сопровождение (бубен и погремушки костюма) и т. п.

В связи с этим необходимо отметить, что М. Я. Жорницкая уделила мало внимания танцевальным элементам в обрядах культа божеств «айыы», так называемого «белого шаманизма». Она описывает только обряд освящения кумыса — один из целого цикла обрядов, исполняемых на ысыахе — празднике, посвященном божествам «айыы».

Имеющиеся в архивах материалы об обрядах этого культа свидетельствуют о тесных связях якутского хоровода осуохай с религиозными обрядами, совершавшимися белыми шаманами. Сопоставление их, возможно, пролило бы свет на происхождение якутского хороводного танца осуохай.

Помимо танцев, в главе описаны также подвижные ритмические игры якутов (дьизэрэкэй, чохчоохой, кулун-куллуруһуу, атах тэпси) и выявлены в них танцевальные элементы.

Во второй главе М. Я. Жорницкая исследует танцы и игры эвенов и эвенков, проживающих на территории Якутской АССР.

Автором анализируются три варианта «һэдьэ» — хороводного кругового танца, наиболее характерного для эвенов. По ее мнению, древним вариантом «һэдьэ» следует считать хоровод, сопровождавшийся специфичными гортанными звуками. Этот вариант «һэдьэ» сохранился у эвенов Моисского и частично Аллаиховского районов Якутии.

Помимо основных вариантов «һэдьэ», М. Я. Жорницкая зафиксировала у эвенов хороводные танцы, в которых отчетливо прослеживается влияние якутской танцевальной культуры. К таким танцам, по материалам М. Я. Жорницкой, относятся своеобразный вариант «һэдьэ», бытующий у эвенов Верхоянского района Якутской АССР, круговые танцы — «дуһари-дуһа» и «һио-рико» (стр. 81—82).

Кроме круговых танцев автором описаны также парные и индивидуальные танцы эвенов, бытовавшие в прошлом (стр. 83, 86). Они носили подражательный характер, например танец «һымкай» напоминал бег оленя, танец «кинди» — подражание птичке «кинди».

К числу индивидуальных М. Я. Жорницкая относит и эвенские шаманские танцы. Она обнаружила в них, как и в танцах якутских шаманов, танцевальные подражательные элементы — имитация полета птицы, бега оленя и т. д. (стр. 85).

В танцах эвенков, проживающих на территории Якутской АССР, М. Я. Жорницкая установила три локальных варианта основного традиционного эвенкийского хоровода: учурский дэрэдэ, дэрэдэ амурских эвенков и һэдьэ аяно-майских эвенков. Некоторое различие в исполнении этих вариантов эвенкийского хоровода, как верно отметила М. Я. Жорницкая, вызвано тем, что они принадлежат различным по происхождению группам эвенкийских родов.

Общим для хороводных эвенкийских танцев на территории Якутии, по данным автора, является то, что они довольно медленны, по темпу и загову близки к якутскому хороводу (стр. 93). Сравнение полевых материалов автора с имеющимися в литературе сообщениями о танцах эвенков в XVIII—XIX вв. позволило установить, что сближение эвенкийского хороводного танца с якутским произошло недавно, видимо со второй половины XIX в.

М. Я. Жорницкая описывает также индивидуальные подражательные танцы эвенков — танец журавля и танец глухаря. Эти танцы она склонна считать тотемическими, исполнившимися в честь родовых патронов¹.

В конце главы автор приводит сведения о роли танцев в мистериях эвенкийских шаманов.

В третьей главе описаны танцы юкагиров и чукчей. Как известно, в настоящее время от древней юкагирской культуры почти ничего не осталось. Фактически уже к концу XIX в. сохранялись лишь язык и фольклор. Исследование, проведенное М. Я. Жорницкой, показывает, что многие танцы и подвижные игры юкагиров исчезли. Ей удалось зафиксировать лишь хоровод-лондол и парный танец-пантомиму лебедь, бытующие у верхнеколымских юкагиров.

Танцы нижнеколымских чукчей существенно отличаются от танцев других народов Якутии. Для чукчей, по материалам автора, наиболее характерны индивидуальные подражательные и пантомимические танцы — танец ворона, журавля, чайки и др. (стр. 111), танец радости «виврелев», танец «обработки кожи скребком», «высматривания горизонта», «бег оленя» и т. д.

Кроме индивидуальных танцев, М. Я. Жорницкая описала и чукотский хоровод «пичгэйн эн» («горлом кричать»). Она предполагает, что эти чукотские танцы «принесены предками современных нижнеколымских чукчей с востока и входят в северо-восточный ареал подражательных индивидуальных импровизационных танцев» (стр. 121).

Особенно интересна четвертая глава — «Традиционные танцы и их современное бытование в Якутской АССР». В ней автор показывает, какие огромные возможности для развития получили танцы в условиях социалистической действительности. Она подробно и красочно описывает процесс проникновения народных танцев на профессиональную сцену и в художественную самодеятельность.

Отметим некоторые неточности, имеющиеся в работе. Так, термин «салама» переводится автором как «намордники для телат» (стр. 50). В действительности же «салама» — это шнур из конского волоса с навешанными на нем пучками конской гривы и т. п.

Описывая быт эвенков, М. Я. Жорницкая утверждает, что в чуме дымно, когда горит костер (стр. 67). Но ведь верхняя часть чума специально оставляется открытой для тяги.

В целом рецензируемая работа — серьезное научное исследование, в котором танцы народов Якутии рассматриваются с этнографической и искусствоведческой точек зрения. Название работы уже ее содержания. Ведь М. Я. Жорницкая изучила не только танцы, но и подвижные ритмические игры коренных народов Якутии. Ее книга — это первая монография о традиционных танцах и подвижных играх народов Якутии. Она обращает наши знания по истории культуры народов Сибири и имеет большое практическое значение для развития профессионального и самодеятельного искусства Якутской АССР.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы М. Я. Жорницкая продолжала изучение народных танцев Сибири, тем более, что некоторые из них с течением времени постепенно забываются и исчезают.

Н. А. Алексеев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

E. Hexelschneider. *Die russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts*. Berlin, 1967, 265 S.

Институт славяноведения Германской Академии наук издал под редакцией профессора Х. Х. Бильфельда интересное исследование Эрхарда Хэксельшнейдера «Русские народное творчество в Германии до середины XIX века».

Основная черта фольклора как такового — его постоянная изменчивость, подвижность, то, что он живет в веках, передается из уст в уста, не зная социальных,